

КАРТИНА МИРА В НАРОДНОМ И УЧЕНОМ СОЗНАНИИ

В.М. Смирин

РИМСКОЕ РАБСТВО ГЛАЗАМИ РИМЛЯН (система и казус)*

Памяти Э. Грейс

Начнем с того, что даже общие наши представления о рабстве связаны с древним Римом привычно и неразрывно. Это естественно. Почти в любом произведении римской литературы мы сталкиваемся с упоминаниями и суждениями самих римлян о рабстве. На разных уровнях - от само собой разумеющихся бытовых реалий — до широчайших философских категорий. Так, например, Гораций в одном из своих "Посланий" (I, 14) рисует бытовой портрет сельского виллика (раба-управляющего), в недавнем прошлом - городского раба, а в 7-й сатире II книги (II, 7) влагает в уста городскому рабу Даву философские рассуждения в стоическом духе: господин-де такой же раб, как и он, Дав, только раб добровольный. А посредине между этими двумя портретами мы можем расположить и обращенную к Меценату сатиру (I, 6), где Гораций рассуждает о своем собственном - сына отпущенника, т.е. "сына раба, получившего волю"², - месте в римском обществе. Заметим, что уже это прямое заявление Горация о своем происхождении от несвободнорожденного отца не могло не звучать достаточно вызывающе для римского уха. Но Гораций этим не ограничивается: в двух своих сатирах (I, 6 и 1,4) он оставил потомкам и портрет своего отца-вольноотпущенника, первого наставника будущего поэта в традиционных римских добродетелях³. Добавим здесь, что прошло еще около полутора веков и выведенный Горацием раб-философ будто бы воплотился - но без Го-рациева шаржирования - в реальной фигуре Эпиктета, бывшего раба, учившего знатных римлян той же стоической философии⁴. А незадолго до Эпиктета подобным же образом рассуждал и принадлежавший к

* Настоящая статья написана в развитие мыслей доклада, прочитанного десять лет назад в семинаре по историческому быту (рук. Г.С. Кнабе) античной комиссии Научного совета по истории мировой культуры (подробней см.: Быт и история в античности // Отв. Ред. Г.С. Кнабе. М., 1988. С. 6). Сам доклад опубликован не был, но лежавший в его основе материал был использован автором в нескольких работах прошедших лет. Сейчас, думается, имеет смысл вернуться к попытке восстановления некоего (пусть неполного) историко-культурного очерка, написанного в по возможности живом жанре доклада.

высшему слою римского общества Сенека, у которого, как и у Эпикте-та, рабство (в паре с противоположным понятием - свободой) предстает перед нами одной из всеобщих категорий, служивших мерой всех вещей. Человеческое тело Сенека сравнивает то с рабом, то с господином; о душе он говорит как о "претерпевающей рабство", а затем "отпускаемой на волю". "Qui mori didicit, servire dedidicit" — "кто научился смерти, тот научился быть рабом" (Sen. ep. 26, 10)⁵.

Таким образом, и у Сенеки понятия, связанные с рабством, предстают перед нами как элементы общего языка римской культуры, а выражаемые ими категории и отношения как немаловажная сторона ее содержания. Какова же была общественная система, эту культуру породившая?

Вопрос этот и приводит нас к предмету нашего рассмотрения. Э.Л. Грейс в статье «Что такое раб и искусство управления "людьми"» (написанной на греческом материале) указывает на взаимную связь, "которая, начиная с простейшего звена раб-господин, в конечном итоге, вовлекает в себя целый общественный комплекс - полисную общину, находящуюся среди других общин..."⁶. Подобного рода системная взаимная связь или система взаимных связей будет занимать и нас. Это ставит перед нами несколько вопросов методического или методологического характера - о подходе к изучаемому явлению и - еще раньше - к источнику. От чего отправляться? От "терминов"? Но все ли они действительно термины в тексте источника или же становятся таковыми лишь в нашем восприятии? От общих понятий? Но чьих? И не внесем ли мы за собственными понятиями готовых смыслов, чуждых рассматриваемым текстам? Всякое явление в своем историческом развитии изменяется. Не модернизируем ли мы его, безоглядно пользуясь понятиями или представлениями, сформировавшимися в их современном виде на материале других эпох? Ну, скажем, применяя понятия, порожденные колониальным рабством нового времени, к рабству античному⁷. Поясним на примере: в книге М. Морабито "Реалии рабства по данным Дигест"⁸ первая ее часть озаглавлена "Рабская рабочая сила", но ведь это - категория *нашей* экономической мысли, а речь идет о Дигестах (составлены в VI в.). Какая "экономическая" мысль отражена в *них*? И доступна ли *ей* подобная степень абстрактности? Так можем ли мы, не задаваясь такого рода вопросами, ждать, что данные источника сами улягутся в рамки нашей мысли? Другой современный историк (К. Гопкинс) раздумывает, чего б это ради хозяин жертвовал масштабом экономического предприятия⁹. Но мыслил ли римский хозяин такими категориями вообще? Понимал ли он отказ от "масштаба предприятия" как жертву? Подобные вопросы даже не ставятся. Да и вправе ли мы задавать "наводящие" вопросы источнику?

Тут мы оказываемся перед тем, что можно назвать "проблемой *другого*" - другого субъекта, другого сознания, другой системы понятий, дефиниций и пр. Приходится согласиться с известным медиевистом Ж. Ле Гоффом в том, что «историк мог бы научиться у этнолога

узнавать и уважать "другого"¹⁰, т.е. человека, принадлежащего иной, чем сам исследователь, культуре и эпохе». В отечественной науке теоретическими проблемами, связанными с "другим сознанием", плодотворно занимался М.М. Бахтин, а из пишущих сейчас, например, медиевисты А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный и многие другие.

Методологически вопрос состоит в том, чтобы отойти от отношения к источнику как к "каменоломне информации" или "банку сведений"¹¹ (хотя полный отказ от такого подхода вряд ли осуществим) и попытаться увидеть в источнике выражение или отражение некоей целостной системы представлений. Если культура в целом отражает социально-экономическую систему в целом, то мы и хотим идти от того образа рабства, какой дают нам сами римские источники, ибо полагаем, что именно этот образ в его цельности отражает само явление *тоже в его цельности*.

Тема широка, материал необъятен - поневоле приходится начать с ограничений и оговорок. Основным (но не единственным) материалом лучше всего будет взять юридические тексты как наиболее подробные и систематические. Недаром историк-юрист В. Бакленд еще в 1908 г. назвал римское право о рабах "наиболее характерной частью наиболее характерного продукта римского интеллекта"¹². Объем этой "наиболее характерной части" можно представить себе из следующего: автор упомянутой книги о рабстве по данным Дигест (по-нынешнему, дайджестов) М. Морабито подсчитал, что в этом тематически упорядоченном своде выбранных отрывков из сочинений римских юристов I в. до н.э. - III в. н.э. тексты, касающиеся рабства, составляют 5185 параграфов из общего числа 21 001¹³. (Столь "точный" подсчет неизбежно условен, но нагляден.) Обзора же всех юридических источников, даже простого перечисления их, мы тут дать не можем. Особо назовем лишь "Институции" Гая, автора, о котором не только его современники, но и вообще римские юристы доустиниановских времен не сообщают ничего, но которому принадлежит первое и едва ли не единственное дошедшее до нас древнее (около 160 г. н.э.) сжатое систематическое изложение римского права и общая его концепция, более архаичная, чем та, которой руководствовались составители Дигест, отбирая, сокращая и редактируя тексты своих предшественников. Впрочем, оба вышеназванных памятника вобрали в себя огромную традицию, уходящую в Далекое прошлое.

Этот с трудом обозримый материал, породивший необозримую литературу, изучался, систематизировался и перетолковывался многими поколениями юристов. Историки уделяют ему все большее внимание, но традиции гиперкритицизма и сопутствующего ему произвольного конструирования дают себя знать и поныне. Это побуждает нас сформулировать для себя несколько предварительных оговорок и правил.

1. Будем остерегаться "терминов" и выражений (неверных или даже верных), которые могли бы способствовать предвзятости, оценоч-

ности или эмоциональности подхода ("привилегированные рабы", "улучшение" или "ухудшение" чего бы там ни было и т.п.). Правственная сторона изучаемых источников в таком контексте тоже интересна для нас прежде всего в той мере, в какой она отражает воззрения самих римлян.

2. Будем ограничиваться здесь (для удобства изложения) *относительной* хронологией разных пластов римской юридической мысли, следуя букве и смыслу, т.е. логике самого материала. При наличии нескольких источников для одного сюжета будем опираться на более авторитетный — например, где возможно, предпочтем изложение Гая тексту его постклассических последователей (даже, если этот текст удобнее для прикладных целей).

3. Вообще же будем доверять источнику. Это не значит, что, если римская традиция, скажем, приписывает то или иное установление Ромулу, то мы тут же и полностью примем это на веру; но при том мы не будем считать историческую традицию бессмысленной и безосновательной. Точно так же, если Гай рассматривает отношения господин-раб в составе "права о лицах", то мы не последуем живучему обыкновению составителей общих руководств, спокойно переносящих их в раздел о "вещных правах", а будем интересоваться лежащей в основе текста мыслью Гая, как и вообще мыслью римских юристов.

4. Будем рассматривать в текстах их юридическую мысль не как язык описания интересующего нас исторического явления, а как систему его понимания.

5. Будем исходить из того, что, обращаясь к римским юридическим источникам разного времени, мы всякий раз застанем в них - пусть на разных этапах ее развития - одну и ту же систему, находящую себе выражение уже в самом способе осмысления действительности¹⁴. Эволюцию системы будем рассматривать как движение внутри некоего единства - исторической эпохи или соответствующей ей культуры. Но здесь нас будут интересовать прежде всего имманентные - более или менее постоянные - черты занимающей нас системы, лежащие в основе ее развития. Поэтому позволим себе не слишком строго держаться хронологического принципа изложения материала. Тем более, что в истории общественного сознания время движется медленнее, чем в событийной истории, а закрепляющиеся в общественном сознании клише сами способствуют долговому сохранению (иногда пережиточному, но никогда не бессмысленному) реальных явлений и институтов. Так что мы будем избегать слишком основных положений хронологических выводов, когда дело касается основных положений системы, а вопрос о "кризисе системы" по той же причине вообще оставим вне рассмотрения как "наводящий". Попытаемся как можно реже обрывать, цитируя, мысль древнего писателя или вырывать ее из авторского контекста.

6. Ограниченный объем материала заставляет нас видеть в цитируемых текстах только примеры. Единственный критерий, принимаемый тут для их отбора - связь с *целостностью системы*.

Итак, Гай свое изложение начинает с "права о лицах", а изложение этого раздела - с общего положения: «Главное деление касательно права лиц (*de iure personarum*) состоит в том, что все люди (*omnes homines*) суть либо свободные, либо рабы» (G. I, 9). Прямой формулировкой этого тезиса у более ранних авторов мы не располагаем, но с его как бы предвосхищающим отражением сталкиваемся в текстах, почти на два с половиной столетия более древних (и не собственно юридических). Так, Цицерон в одной из речей (за Секста Росция - 80 г. до н.э.) задает риторический вопрос, "при посредстве каких людей" было совершено преступление - "рабов или же свободных" (§ 74). Еще ближе напоминают о Гае (и тоже, предваряя его) слова Варрона (I в. до н.э.): "Все земельные участки возделываются людьми - либо рабами, либо свободными... (*Res rust. I, 17,2*)¹⁵. В обоих текстах это деление надвое - условно назовем его "дихотомией Гая" - выглядит привычным клише и имеет всеохватывающий характер.

Что может быть очевидней этого противостояния двух самых общих категорий? Все так, но ведь только что приведенная цитата из Варрона прервана нами, так что приведем и ее окончание: "...возделываются людьми - *либо и теми и другими*". Значит, наше деление надвое оказывается отнюдь не абсолютным и не бесповоротным: допуская возможность объединения двух его членов, оно тем самым как бы допускает и третий вариант, а в дальнейшем изложении на его базе может быть развернута более широкая и сложная конкретная картина.

С дальнейшим расширением круга цитируемых источников обнаруживается, что та же знакомая нам "дихотомия Гая" может принимать подчас какое-то странное звучание: «Сорок лет пробыл я рабом - говорит один из героев Петрониева "Сатирикона", — но никто не знал, раб я или же свободный» (*Sat. 57*). "Ибо не так-то легко может быть различен свободный человек от раба", - как бы вторит ему римский юрист III в. Павел (D. 18.1.5). Здесь, правда, контекст иной и несколько неожиданный¹⁶. Но вот - жизненные (и юридические!) ситуации, каких в литературных сюжетах, кажется, и не сыскать: мужья, не знающие о рабском статусе своих жен, жена, не знающая о рабском статусе своего мужа (D.23.3.67; 24.3.42.1; 24.3.22.13). А вот и неведение свободного о его собственном статусе (D.43.29.4 пр.; 48.5.28.5), как раз обычное и для литературной (комической) фабулы. И судебный процесс о статусе того или иного лица (*liberalis causa*) был совершенно обычным явлением¹⁷. Не излишне ли добавлять, что статусная (юридическая) координатная сетка самой системы отнюдь не совпадает с той, какая основывалась бы на стремлении разделять "экономическую" и "юридическую" стороны явления (как то подсказывает наша склонность рассуждать в привычных нам категориях)?

Во всяком случае, кабального должника, работающего на земле кредитора, Варрон без колебаний относит к свободным. Притом и свободный, и раб могли попадать в такие ситуации, которые приходилось определять через противоположную категорию или связанное с нею

положение, как то: "liber qui bona fide servit" ("свободный, который по доброй вере в рабах") или, скажем, "servus quasi colonus" (раб на положении как бы колона)¹⁸. М. Финли считал подобные определения "классификаторскими уродствами"¹⁹. Но не верней ли и не проще ли видеть в них точные описания повседневных явлений на языке самой системы? Во всяком случае, источники показывают нам, как противоположные (и остающиеся таковыми) категории не хотят распределяться по двум полюсам общества, а вступают в какие-то странные сочетания, окрашиваясь одна другою. Должны ли мы, видя это, всякий раз за-подозривать "кризис системы"; или же развертывающаяся перед нами система "странных ситуаций" и есть закономерное выражение римской системы рабства? Тут нам придется обратиться и к институтам, несомненно, еще более древним, но продолжавшим существовать, по крайней мере, на протяжении всей античной эпохи.

Мы имеем в виду второе, по Гаю (G. I, 48), "разделение" лиц: "Одни лица суть лица собственного права, а другие подчинены праву другого" (или: "чужому праву"). К последним причислялись и "рабы господ" ("servi domino")²⁰, причем по этому "разделению" рабы не противопоставляются всем прочим категориям лиц, а *рядом* с ними включаются в систему фамильных связей. Мы уже имели случай говорить об этом²¹, сейчас кратко повторим то, что относится к категории лиц *in potestate* ("во власти другого"), в которую входили и "рабы господ". Формула (исходная) их положения такова: "Господа имеют власть (*potestas*) над жизнью и смертью рабов, и все, что приобретается через раба, приобретается для господина" (G. I, 52). Парадоксальным образом эта суровая формула благодаря сохранившемуся у римлян институту "отеческой власти" роднила раба с другими лицами *in potestate*. "Точно так же, - пишет далее Гай, - в нашей власти находятся наши дети, которых мы породили в законном браке (*iustus nuptiis*)" (G. I, 55). Власть "отца" над "детьми" (включая внуков, правнуков и т.д.) считалась у римлян полной и пожизненной (эманципация детей, т.е. выведение их из-под отеческой власти, воспринималась, скорее, как исключение из правила). Власть эта включала в себя не только право жизни и смерти, как и право продажи, но и право держать сына "закованным на сельскохозяйственных работах" (Dion. Hal. II, 26, 27 - это законоположение приписывается Ромулу), а также предусматривала отсутствие собственного имущества у сына, как и у раба (исключением — конечно, только для сына — был со времен Августа "лагерный пекулий"²²). "Такое право отца на детей, - с гордостью пишет Гай, — существует только у римских граждан", в отличие от других народов. Впрочем, и сам он вспоминает в этой связи о галатах, а сведения Аристотеля (Никомахова этика, VIII. 10.4), как и иранские источники²³, позволяют думать об аналогичном (хотя и предусматривающем наличие собственности у взрослого сына) институте и у древних иранцев. Видимо, особенностью римской социальной системы была не сама по себе отеческая власть и даже не ее поразительная устойчивость (тем более, что реальный объ-

ем ее в ходе истории менялся), а жизненное значение самой идеи этой власти.

Формула "сын или раб" была очень устойчива в римском праве. По подсчетам М. Морабито, около трех четвертей от общего числа текстов, упоминающих и о рабе, и о "сыне семейства" (так он именовался), уподобляют их друг другу, т.е. *сближают* между собой их положение в различных конкретных ситуациях²⁴.

Попытка разобраться в этих ситуациях сразу - уже на уровне понятий - показывает нам своеобразие мышления древних авторов. При этом в наших источниках все настолько взаимосвязано, что избрать ту или иную последовательность изложения нелегко. Попробуем начать с понятий. Так, понятие *pater familias* (перевод "отец семейства" при всей буквальности, как мы увидим, условен) указывало "не только на его личность, но и на право" — иными словами, он мог и не иметь сына. "Отцами семейств" считались все лица *suae potestatis* (т.е. подвластные лишь себе), совершеннолетние или несовершеннолетние. Слово сочетание "*suae potestatis*" означало то же самое, что и "*sui iuris*" т.е. "собственного права". Так, в Дигестах можно прочесть, что раб, отпущенный на волю по завещанию, но еще не узнавший об этом, - уже *pater familias* и [лицо] *sui iuris* (D. 28.1.14). О более широком контексте такого разъяснения речь впереди. Пока же добавим, что и *pubillus* (т.е. несовершеннолетний, вышедший из-под отеческой власти по смерти отца или вследствие эманципации и находившийся под опекой) "именовался отцом семейства" (см.: D. 1.6.4; 50.16.195.2; 50.16.239). Понятие же *mater familias* могло и не быть связано с правовым положением в фамилии: она могла состоять "под рукой" мужа или оставаться под властью отца, или быть лицом "собственного права". Согласно Фесту (112 L), она должна была быть замужем за отцом семейства, не вдовой и не бездетной. Это, как будто, естественно, но в Дигестах мы находим и другие утверждения, например, что "мать семейства" тоже может быть несовершеннолетней (D. 1.6.4), или что "мать семейства" - это та, которая "безупречно прожила жизнь" ("*ea, quae vixit non inhoneste*"), а "посему не имеет никакого значения, замужняя она или вдова, свободнорожденная или отпущенница, ибо не брак и не происхождение создают мать семейства, но добрые нравы" (D. 50.16.46). Эта разноголосица в какой-то мере, возможно, объясняется тем, что практического значения вопрос не имел, так как женщина, даже ставши лицом "собственного права", оказывалась "и началом, и концом (*et caput et finis*) своей фамилии" (D. 50.16.195.5). (Ср.: G. 1,104: "Женщина ... никоим образом не может усыновить, так как она даже родных (*naturales*) детей не име-^{ет} во власти"). *Pater familias*, напротив того, стоял в самом центре правопорядка римской системы. Вот как это звучало на ее собственном языке: "Отцом семейства называется тот, кто в доме облечен властью Домовладыки" - "*pater familias appellatur qui in domo dominium habet*" Ф. 50.16.195.2). *Dominium* здесь — по буквальному смыслу слова и по Контексту - "домашняя власть" в самом широком значении этого поня-

тия. "Domus" и "фамилия" тут явно - одно и то же. Само слово "фамилия" лингвисты связывают с индоевропейским корнем, обозначающим "дом"²⁵. Как это слово понимается в наших источниках? Ульпиан (III в. н.э.) отвечает: "По-разному" ("familiae appellatio ... varie acepta est" - (D. 50.16.195.1). Прежде всего отмечается, что оно относится и к "вещам", и к "лицам". Применительно к лицам общее определение "фамилия" звучит так: это "лица, природой или правом подчиненные власти одного" (Ibid.). Хотя здесь под "подчиненными правом" имеются в виду прежде всего не рабы, а усыновленные, манципированные и т.п., уместно в этой связи привести определение самого рабства, как оно сформулировано в Дигестах Гаевым современником Флорентином. Рабство им определяется как "установление права народов" (Juris gentium), посредством которого человек (собств.: quis) может "быть вопреки природе подчинен чужому владычеству (dominium)" (D. 1.5.4.1). Поэтому не удивительно, что и совокупность рабов стала называться у римлян "фамилией" (D. 50.16.195.3; 21.1.25.2); иногда же это "название охватывает всех рабов, но сюда же включаются и сыновья" и т.д. Очевидно, что в основе этого спектра определений лежит представление о некоем *нерасчлененном единстве лиц и вещей*.

Как эта нерасчлененность выражала себя в праве о лицах, мы уже видели. Обратимся теперь в той же связи к вещному праву, где очень важным было разделение на вещи "манципуемые" и "не манципуемые" (перевод условный). Первая из этих категорий - *res mancipi* (*man-cipii*) охватывала собой объекты, которые могли передаваться другому лицу посредством "манципации", архаической процедуры, имитирующей продажу в собственность или во власть при свидетелях²⁶. Перечень этих объектов-вещей выглядит, по Гаю, так: "...лица и рабского, и свободного состояний (*et serviles et liberae personae*)... а также животные ... как то быки, лошади, мулы, ослы ... а также имения - и городские, и сельские, - которые принадлежат к италийским"²⁷ (G. I, 120). Все вещи, не включенные в этот короткий список, считались "не манципуемыми". Эти "*res pes mancipi*" определялись как "те, что посредством самбй передачи (*ipsa traditione*) обращаются в полную собственность другого". А посему, пишет Гай, "если я передам тебе одежду ли, серебро ли ради продажи, дарения или чего другого, то вещь эта тут же делается твоею, если только эта вещь телесная и может быть передана" (G. II. 19-20).

Возвращаясь к процедуре передачи *res mancipi*, опишем теперь ее ход: получающий, держа вещь (*rem tenens*)²⁸, говорит так: "Я утверждаю, что человек этот (*hunc hominem*), согласно праву квиритов, мой (*meum esse*)..." (G. I, 119). Мы уже имели случай говорить о том, где и как во времена Гая жил в римском праве этот архаический ритуал, и о том, каковы подчеркиваемые Гаем элементы сходства и различия в передаче рабов и свободных по этой формуле²⁹. Очень существенно и еще одно разделение вещей - на "телесные" и "не телесные" (*corporales* и *incorporates*); к первым относились: "имение, человек (*homo*) одежда-

золото, серебро, и, наконец, прочие вещи без числа" (в более кратком перечне: "имение, человек, деньги") (G. II, 12-14). Слово "homo", которое, как известно, могло служить обозначением раба, думается, выбрано из синонимов не случайно, а как более широкое, по значению приложимое, скажем, и к сыну, который (как и раб) мог передаваться посредством манципации, а, значит, уже в цитированных здесь текстах Гая раб предстает перед нами и как "лицо" (persona), и как "вещь" (res)³⁰. Такая исходная недифференцированность "лица" и "вещи" (если их брать в современном объеме обоих понятий), видимо, отвечала исходной нерасчлененности "фамилии". Конечно, во "Фрагментах Ульпиана" (составленных в начале IV в. - в основном, возможно, по Гаю)³¹ в списке манципируемых вещей стоят уже не Гаевы "serviles et liberae personae", но просто "servi"³² (Ulp. Fr. 19.1), а составители Дигест уже вообще не включали в свой свод тексты о таком "устаревшем" институте как *res mancipi*³³. Тем не менее эволюция понятий, видимо, не была однонаправленной - в Дигестах мы находим (и ниже приведем) примеры удивительного смешения личностного и вещного аспектов, как и неожиданного появления того или другого из них.

Заметим теперь, что в первом комментарии Гая (о "праве лиц") положение рабов определяется словами *in potestate* (во власти), а во втором комментарии (о вещном праве) Гай говорит о *dominium, proprietas*. К соотношению этих терминов следует приглядеться. В уже цитированном Павловым определении "отца семейства" ("*qui in domo dominium habet*") понятие "*dominium*" предстает как самое общее выражение власти домовладыки над всем, что входит в фамилию. В другом тексте из Дигест прямо говорится о многозначности слова "*potestas*": "*potesta-tis verbo plura significantur*". Оно обозначает применительно к личности (persona) магистратов *imperium* (тут - государственную власть), к личности детей - отеческую власть, к личности раба - господскую власть (доминий) (D. 50.16.215). Здесь же говорится о "возвращении украденной вещи во власть хозяина" (*in potestatem domini*)³⁴ (Ibid. Ср. также: D. 50.16.13). Этих примеров, пожалуй, достаточно, чтобы почувствовать тут некую явную недифференцированность. Для прояснения ее характера сошлемся еще на один пример: сына, осужденного за кражу, отец мог выдать истцу *in возмещение убытка* (*pro pecunia*) (G. I, 140). Сын при этом оказывался в положении "манципированного" ("*in mancipio*"), что предполагало его передачу посредством манципации (напомним, что всякий ее объект назывался "res", и, значит, осужденный за кражу "сын семейства" оказывался "во власти" истца и притом не в Рабстве, а "на рабском положении" (*loco servorum*), в результате чего он и в наследственном праве оказывался в такой же юридической ситуации, что и рабы (*personae servorum*). Для иллюстрации разницы между *servus* и *loco servorum* (ср.: G. I, 12) опять-таки добавим еще пример: жена, поступившая - при браке с переходом в фамилию мужа - под его "руку", оказывалась *filiae loco* ("на положении дочери" - G. II, 139), но, конечно, дочь не считалась. Мы видим, что какие-то странные для

нас детали дифференцировались очень тонко, а вот полной дифференциации, которая отвечала бы нашему различению понятий *власти и собственности* (точно так же, как, напомним, *лица и вещи*), не было.

Дальнейшее знакомство с Институциями Гая показало бы нам, что при определенных условиях *potestas* и *dominium* могли принадлежать разным лицам, а сам доминий, некогда бывший единым понятием, раздвоился на *"in bonis"* ("в имуществе") и *"ex jure Quiritium"* ("по праву римских граждан"). Если эти две стороны доминия (как это получалось в определенных конкретных ситуациях) могли оказаться разделенными между двумя лицами, власть над рабом (единственный объект, для которого такое разделение имело реальный смысл) получал тот, кто имел его *in bonis*, а у другого оставалось лишь "голое квиритское право". Все эти тонкости не были лишены практического значения (большого ли, или нет, тут неважно, и углубляться в них здесь не будем). Заметим только, что недифференцированность понятий, которые *нам* представляются определяющими, не делала древнее право простым, и если по закону XII таблиц свободный, пойманный на краже, после бичевания "приговаривался" к выдаче пострадавшему, то уже "древние" для Гая поколения юристов хотели доискаться, становился ли при этом "приговоренный" (*addictus*) рабом или оказывался "на положении присужденного" (G. III, 189).

И вот на фоне подобных деталей римские юристы решительно утверждали, что «слово "власть" должно пониматься в *общем смысле* применительно как к рабу, так и к сыну» (D. 15.1.1.5 и др.). И еще одна пара понятий оказывается общей для отца и господина, сына и раба: *"dominium"* (власть повелевать) и *"obsequium"* (обязанность повиноваться) (см. D. 50.17.4: *"qui obsequitur imperio patris vel domini"*). Эта общность положения "во власти" при недифференцированности понятий (взятых в их нынешнем смысле) вещи и лица, власти и собственности дает нам много примеров самых, казалось бы, неожиданных ситуаций, демонстрирующих смешение этих аспектов и для раба, и для "сына семейства". Добавим еще несколько такого рода примеров.

Начнем с тех, где речь о прямой оценке раба как вещи и где "аспект лица" вторгается в вопрос о такой оценке. Это казусы, связанные с Аквилевым законом (около 280 г. до н.э. по предположительной датировке).

Согласно этому закону, "убивший чужого раба (собств.: *"hominem alienum"*) или чужую рабыню, или четвероногую скотину" платит в возмещение ущерба максимальную цену, какую за них можно было получить на протяжении последнего года (G. III. 210; D. 9.2.2 pr.). Но вот одна из возможных сложностей такой оценки. Убит раб, купленный за большие деньги его фактическим отцом (который в свое время прижил его с чужой рабыней, а теперь захотел приобрести, возможно, чтобы отпустить на волю - ср. D. 17.1.54). По Аквилеву закону, "привязанность" во внимание не принимается и "ущерб" может быть возмещен только в размере такой цены убитого, какой он стоил бы для *других*

(т.е. исходя не из частного случая, а из общего положения вещей). Однако потратившемуся отцу юрист предоставляет возможность исходить от возмещения траты иным путем (D. 9.2.33). Таким образом, "субъективная" (как мы бы выразились) оценка данного раба, исходящая из его личности, отвергается при ведении дела по определенному конкретному закону, но *не в принципе*. Другой казус: "Если убит раб, назначенный в наследники, то производится и оценка наследства" (D. 9.2.23 пр.), т.е. в оценку раба включается и оценка оставленного ему кем-то наследства³⁵. Сама возможность этого очень важна, но что эта ситуация означала для господина? Будь раб-наследник жив, он должен был бы принять наследство "по приказу господина" и оно вошло бы в имущество господина (пусть даже, оставаясь в "пекулии" раба; впрочем, о пекулии речь впереди). Но прямого (т.е. не через посредство данного, упомянутого в чем-нибудь завещании раба) доступа к этому наследству господин в такой ситуации не имел, потому что при отчуждении раба или его отпуске на волю "наследство следовало за головой" (т.е. при манумиссии раба оно доставалось ему самому как отпущеннику-гражданину, а при отчуждении доставалось новому господину того же раба — D. 37.11.2.9; G. II, 189). Таким образом, оценка раба как вещи здесь зависела от обстоятельства, связанного с ним как с *лицом*.

Еще одна сторона дела: оказывается, господин убитого раба мог вообще отказаться от возмещения убытка, им понесенного, и преследовать убийцу своего раба за уголовное преступление, т.е. исходя из концепции раба как лица, а не как вещи. Он не мог только действовать по обоим законам сразу: ему предоставлялся "свободный выбор" - *liberum arbitrium* (G. III, 213).

Ко всему этому добавим, что в Дигестах при обсуждении, скажем, вопроса, подлежит ли ответственности по Аквиллиеву закону учитель, который при обучении раба ранит или убьет его, совершенно неожиданно приводится пример, где вообще говорится отнюдь не о рабе: "Сапожник ... обучавший мальчика, свободнорожденного сына семейства, который недостаточно хорошо делал то, что ему было показано, так Ударил его колодкой по голове, что вышиб глаз". Известный юрист Юлиан (современник Гая) разъясняет, что иск об обидах здесь неприменим, так как удар был нанесен "не обиды ради, а для вразумления и науки"; неприменимым кажется ему и иск из найма, но он не сомневается, что можно возбудить дело по Аквиллиеву закону (D. 9.2.5.3). По существу, "сын семейства" в определенном аспекте здесь приравнен к рабу как к вещи (хотя тело свободного человека оценке не подлежало! - "• 9.1.3), ущерб же, понесенный отцом, видимо, в данных обстоятельствах мог быть оценен только как ущерб человека, присваивающего ^РУД сына точно так же, как труд раба (т.е. ущерб здесь понимался как Убытки от потери труда лица, состоящего "во власти" - "in potestate"). Заметим при этом, что в той формулировке самого Аквиллиева закона, ^{ка}кая дошла до нас, нет и речи ни о "сыне семейства", ни об увечье, но ^{то}лько об убийстве раба или четвероногого.

Впрочем, "аспект личности" раба в смешении с "аспектом вещи" выявляется не только в его посмертной оценке, но и в обыкновенной процедуре его продажи. Продавец был обязан указать "болезни и пороки" раба. В число последних входили "пороки тела" и "пороки души". Продавец должен был указать, не имеет ли раб склонности к побегам или бродяжничеству, не числится ли за ним старой вины, не совершал ли он уголовных преступлений, не пытался ли покончить с собой (D. 21.1.1.1), не дурного ли он характера (D. 21.1.5) и даже, нет ли у него привычки "околачиваться около храмов и, как бы безумствуя, давать ответы" (D. 21.1.1.10). Не предупрежденный о таких "пороках" раба покупатель имел право вернуть покупку. Отметим, что "пороки души" предусмотрены и для выючных животных (пугливы они или бры-кучи) (D. 21.1.4.3), но некоторые из таких пороков связаны только с человеком - с личностью, по крайней мере в нашем понимании слова: "Бродить и убежать может и выючное животное, но оно не может быть ни бродягой, ни беглым" (D. 21.1.64.2). Добавим, что, хотя раб и вообще "человек" мог быть назван "вещью", римский юрист Африкан пишет, что «понятием "товар" (merx) люди не охватываются, и потому продающие рабов называются не кушачами (mercatores), а работоторговцами (собств.: venaliciarii)" (D. 50.16.207).

В приведенных примерах раб выступал как пассивный предмет оценки (к тому же посмертной). Но вот два примера активного проявления "аспекта личности" у раба - в сочетании с представлением о нем как о вещи: "Беглая рабыня понимается как укравшая себя..." (D. 47.2.61); "Если два раба подговорили друг друга бежать и оба одновременно сбежали, то каждый из них не украл другого. Ну, а если они друг друга скрывают? вполне может быть, что они друг друга украли" (D. 47.2.36.3). В обоих случаях раб предстает перед нами и как вор (т.е. лицо), и как украденное (т.е. вещь).

Подобные примеры можно приводить во множестве. Ссылаясь на нынешних историков, отмечающих подобную же двойственность положения раба в Аттике V-VI вв. н.э. (в литературе о римском праве дихотомия "раб-вещь — раб-личность" положена в основу построения книги В. Бакленда), Э. Грейс³⁶ отмечает: "Если упускать из виду эту двойственность и ее корни в более ранней семейной организации, то картина рабства в Аттике IV в. легко может превратиться в карикатуру". Для Рима это предостережение тем более важно, что здесь архаические фамильные институты, меняя в ходе эволюции свой объем и отчасти характер, оставались живыми в социально-юридической практике и тем более в общественном сознании на протяжении всей эпохи.

Из текстов, уделяющих преимущественное или даже исключительное внимание "аспекту личности" раба, укажем здесь и на такие, где рабская личность, так сказать, утверждается негативно. Например: "Некоторые обиды, будь они нанесены свободными, считаются легкими, а, нанесенные рабами, оказываются тяжелы. Ибо оскорбление сана (contumelia) возрастает в зависимости от личности того, кто наносит

оскорбление" (D. 47.10.17.3). Занятно (и, как увидим, принципиально важно), что такую обиду раб мог нанести и не выходя за пределы рабского круга: "Если раб нанесет обиду рабу, то дело должно вестись так, как если бы обида была нанесена господину" (D. 47.10.18.1).

Юридические тексты всегда считались с возможностью "умысла" или "коварства" (*dolus*) раба (например, D. 6.2.7.13). Особо подчеркивалось, что раб, повинувшись господскому слову, не в любом случае остается безнаказанным: "Например, если господин приказал рабу убить человека или обокрасть кого-нибудь" (Алфен, I в. до н.э. - D. 44.7.20). Но может ли "злой умысел", умышленное злоупотребление или даже преступление быть интегрированным элементом системы? В этой связи ограничимся простым указанием на то общеизвестное обстоятельство, что раб достаточно часто использовался (или, как мы выражаемся, "эксплуатировался") господином в преступлении или в насильственных действиях (ср.: *Cic. p. Tullio, pass.*), и напомним, что римские юристы смотрели на рабские кражи как на "домашние", т.е. по точному замечанию М. Морабито³⁷, почти что как на институциональное зло (со ссылкой на D. 47.5.1.5). Вот случайный пример: общий раб, принадлежавший какому-то "товариществу" (*socii*), на наворованные деньги купил имение! Что же дальше? Купленное при таких обстоятельствах имение считается принадлежащим членам товарищества пропорционально доле каждого из них в собственности на этого раба (D. 41.1.37.1-2). Подобные ситуации обращают нас к важнейшим сторонам римской системы рабства.

Для введения в эту часть нашей темы - еще один пример: "Не в любом случае претор обещает возбудить дело об обиде *именем раба* (*servi nomine*), т.е. дело об оскорблении именно раба, а не господина в лице раба, ибо, если раб слегка поколочен или слегка обруган, претор не возбуждает дело, но, если репутации раба будет нанесен урон посредством какого-то поступка либо написанного стишка, песенки (*carmina scripta*), то... это дает претору причину распространить свой розыск еще и на качества раба (*ad servi qualitatem*), так как очень важно (*multum interest*), что это за раб, добропорядочный (*bonae fidei*) ли, ординарный ли, диспенсатор ли, или рядовой, не приставленный к какому-либо одному делу (букв.: *mediastinus*), или какой еще. И что, если он колодник, или замечен в дурном, или вконец отъявленный (*notae extremae*?). Итак, пусть претор примет в расчет как обиду, о которой заявляют, что она нанесена, так и личность раба, которому, как заявляют, она нанесена, и, исходя из этого, либо позволит возбудить дело, либо откажет" (D. 47.10.15.44).

Что сказать о приведенном тексте? (Кроме того, что два термина в Чем пока оставлены без пояснения). Прежде всего то, что *личность* раба лежит здесь в основе всего разбирательства. И что личность эта рассматривается в двух планах: в общем, так сказать, социально-моральном, и в конкретном, касающемся места данного раба в рабской иерархии. Что касается второго, то нередко по такому поводу говорят о "рас-

слоении рабов", о "привилегированных рабах" и т.п. Попробуем задать себе более конкретные вопросы. Чем была рабская иерархия? И какое место занимали упоминаемые здесь рабы в *функционировании системы римского рабства*?

Чтобы подойти к этим вопросам, нужно вернуться к тем чертам римской системы рабства, которые были результатом ее внутрифамильного генезиса. Мы помним, что рабы входили в состав фамилии в качестве лиц, подчиненных праву отца семейства и находящихся в его власти. То и другое уподобляет их "сыновьям семейства". Специальное отношение, связывающее господина с рабом, обозначалось словом "dominium". "Законный" доминий назывался "ex iure Quiritium" (G. II, 40) и основывался на принадлежности господина к римской гражданской общине. Власть отца над сыном также обуславливалась кви-ритским правом, что видно из *общей* для сына и раба формулы: "hunc hominem ex iure Quiritium meum esse" ("этот человек, по *праву квиритов* — мой"). Именно с правом квиритов было связано представление о законности отношений, связанных с фамилией. Подвластный сын должен был быть рожден от "законного брака" (iustus nuptiis), а раб — находиться в "законном рабстве" (iusta servitus). Таким образом, природа отношения господин—раб воспринималась как двойственная: обусловленная и межличностными, и публичными связями. Значение этих публичных связей с гражданской общиной для раба мы еще увидим. Заметим, что положение раба по отношению к гражданской общине не исчерпывалось подвластностью господину. В определенных случаях последний мог потерять права на раба, который становился "рабом без господина" - servus sine domino (D. 9.4.38.21).

Фамилия была для раба общественным организмом, через который он был связан с окружающим миром. Господин мог защищать раба в суде даже по уголовному, (т.е. грозящему смертным приговором) делу (D. 48.2.17; 48.2.7.4), а если он (господин) отказывал рабу в защите при иске по делу о краже (у римлян - не уголовному), то тут и терял права на раба. Если раб, повинувшись господину, совершал проступок, "не содержащий в себе преступной жестокости", то ему "прощалось" (D. 50.17.157). Через фамильные культы раб приобщался к религиозной жизни общины. Место погребения раба было заповеданным (locus religiosus - D. 11.7.2.1). Тот, кто похоронил чужого раба или рабыню, мог предъявить его (ее) господину иск о возмещении расходов на погребение (D. 11.7.31.1). Не надо только представлять себе жизнь патриархальной фамилии как хоть сколько-нибудь благостную, идиллическую: тщательно поддерживаемые в ней неравенство, соперничество и вражда между рабами — особенно в богатых домах - видны из многих литературных и эпиграфических источников. Страхом господ перед множеством их собственных рабов был продиктован известный Сила-нов (Силанианский) сенатусконсулт (9 г. н. э.) - постановление сената о том, что в случае убийства господина все рабы, находившиеся с ним под одной крышей, подвергались пытке и казни (см.: D. 29.5). Харак-

терно, что именно этот открыто антирабский закон всецело основывался на представлении о рабе как о личности (ответственной непосредственно перед государством), но отнюдь не как о вещи. Но смертной казнью могла грозить рабу не только государственная власть. В двух близких друг другу надписях из ПUTEОЛ и из КУМ (L'Annee Epigraphique. 1971. 88-89), оповещающих о деятельности городских похоронных служб, речь идет не только о похоронных процессиях и уборке трупов. Похоронные службы, возглавляемые откупщиками, обращаются и к желающим "частным образом казнить раба или рабыню" (в надписи из КУМ сохранилось упоминание и о потребном для этого дозволении городского должностного лица). В надписи из ПUTEОЛ можно прочесть подробное описание всего инвентаря для распятия - с предшествующим избиванием и бичеванием. Бытовой характер текста подчеркивается указанием расценок на все материалы и "работу".

Статус всех рабов юридически был единым (D. 1.5.5), все они находились в одном и том же положении по отношению к господину. В быту оно могло быть самым различным. Юрист рекомендовал "кормить и одевать рабов сообразно их рангу и достоинству" ("secundum ordinem et dignitatem" - D. 7.1.15.2). Как тут не вспомнить Ксенофонта Исхомаха³⁸, который для своих рабов делал все плащи и башмаки разными - получше и похуже, — чтобы одних поощрить, других наказать. В Риме разнообразная деятельность рабов и соответственно разница в их положении оставляли далеко позади себя скромный Исхомахов домашний мирок.

Нынешние историки, рассуждая об античном рабе, представляют его себе прежде всего в контексте производства. Для нас это естественно, но римлянин не мыслил категориями производства, для него основным понятием было "*приобретение*". Из этого, разумеется, не следует, что история производства на древних источниках не может изучаться; напротив того, оставляя за пределами рассмотрения те источники, где о производстве прямо не говорится, историк тем самым оставляет в стороне очень большую и очень важную часть материала именно по экономической истории. Думается, что изучение римской экономики без юридических источников невозможно, но здесь этот вопрос может быть затронут лишь бегло.

С точки зрения исходных положений римского права, полноценным собственником и приобретателем был только *pater familias*, а остальные члены фамилии не "работали на него", как сказали бы мы, а для него *приобретали*. "Приобретается для нас, - пишет Гай, - не только через нас самих, но еще и через тех, кого мы имеем во власти", а также через иным образом подчиненных "чужому праву" (G. II, 86). "Итак, - продолжает Гай, - то, что наши дети, которых мы имеем в нашей власти, точно так же, как наши рабы, получают посредством *манципации*, передачей или по договоренности - это приобретается для нас. Сам же тот, кто находится в нашей власти, не может иметь ничего своего; и потому, если он назначается наследником, то он не иначе как

по нашему приказанию может войти в наследство и, если мы прикажем, и он войдет, то наследство приобретается для нас, совершенно так же, как если бы наследниками были мы сами" (G. II, 87). Гай вдается во все детали, связанные с приобретением через раба. Так, если раб находится в собственности у одного, а в пользовании у другого, то *пользователем* приобретается то, что раб "приобретает при посредстве имущества (т.е. денег, материала, земли и т.п. - *V.C.*) пользователя или своим трудом" (G. II, 91). (Как видим, и труд рассматривается римским юристом в контексте "*приобретения*", а не *производства*.) То же, что раб, находящийся в пользовании, "приобретает" не при посредстве имущества пользователя и не своим трудом, а каким-нибудь образом на стороне (например, наследство), то это приобретается для господина этого раба и т.п.

Описанное положение имеет и обратную сторону: "Из этого становится ясным, что через свободных людей, которые не подчинены нашему праву ... и точно так же через чужих рабов, которых мы не имеем ни в пользовании, ни в законном владении (*iusta possessio*), никоим образом ничто не может приобретаться для нас". Вот это и есть то, что обычно называется "мы не можем приобретать через постороннее лицо" (G. II, 95). Возможность приобретения через свободных управляющих хозяйством и опекунов лишь в относительно позднее время и с немалыми ограничениями стала проникать в практику, что не меняло принципов, лежавших в основе права, а лишь корректировало их (ср., например: D. 13.7.11.6 - Ульпиан, III в.).

Из приведенных формулировок Гая можно видеть некоторые основополагающие черты римской системы рабства в сфере экономики.

Невозможность (пусть со временем преодолеваемая) "приобретать через постороннее лицо" делала раба не просто необходимым, но даже исключительным средством всякого хозяйствования, и не только в сфере непосредственно производства (чем подчас и исчерпывается интерес нынешнего историка), но и в сфере управления хозяйством - особенно в сфере непосредственных операций с имуществом: прежде всего — с финансами. Все "кассирские" должности как в частном, так, скажем, и в городском, и в императорском хозяйстве были рабскими. Дис-пенсатор, т.е. казначей-распорядитель, был важнейшей фигурой и в хозяйстве богатого римлянина, и в общегосударственном имперском масштабе. Казначей провинции (*dispensator provinciae*) должен был быть императорским рабом (чтобы им приобретаемое приобреталось бы для императора), так что выход на волю такого раба означал для него уход с этого поста³⁹.

Далее. Отсутствие у раба "своего" имущества предоставляло господину совершенно особое орудие организации и эксплуатации хозяйственной деятельности рабов - пекулий. Но, прежде чем сказать о нем, обратим внимание еще на одну сторону процитированных текстов Гая. Из них очевидно, что рабы, "приобретая" для господина, вступают в различные сделки, получают наследство и т.п. В числе

этих сделок названа и манципация, которая относится к древнейшему слою гражданского права (как, впрочем, и право наследования по завещанию). На каком основании совершали эти сделки рабы? Ведь часто цитируемые сентенции римских юристов гласят: "Что касается гражданского права, то рабы считаются как бы никем" (*pro nullis habentur*- D. 50.17.32); или: "Раб не обладает никаким правом" (*servile caput nullum ius habet* — D. 4.5.3.1). Тут только и можно понять значение института "чужого права", иначе говоря, "права другого". В разделе Дигест, озаглавленном "О разных правилах древнего права", читаем: "Тот, кто подпадает праву или владычеству другого (*ius domini-umve alterius*), должен пользоваться его правом (*iure eius uti debet*)" (D. 50.17.177).

Таким образом, раб не обладал собственным правом, но мог и должен был, участвуя в хозяйственной жизни своего господина, да и в своих делах, пользоваться его правом. Вот формула манципации, как она звучала в устах раба: "Я утверждаю, что эта вещь по праву квиритов - [вещь] Луция Тития, моего господина, и она для него да будет куплена" и т.д. (G. III, 167). Раб мог пользоваться правом господина по его приказанию, с его позволения и наконец даже без спросу, что могло пойти господину на пользу, а могло - и в ущерб (гротескные примеры чему - в любой комедии Плавта).

Но институт "чужого права" имел и более широкое значение. Как отмечает (почему-то только в примечании) М. Морабито⁴⁰, "праву было неизвестно полное представительство между свободными, но представительство раба вместо господина было удобным, потому что прямым". Это "прямое представительство" раба выходило далеко за пределы хозяйственной деятельности. Только один пример: "Легаты по поводу преступлений, совершенных ими во время отправления должности, подлежат суду в Риме безотносительно к тому, сами ли они совершили преступление или их рабы" (D. 5.1.24.1). Не удивительно, что уже при Республике собственные рабы римских магистратов и промагистратов широко использовались в их аппарате - особенно в провинциях, и ощущали себя римлянами. Отсюда понятна и роль императорских рабов в государственном аппарате принципата.

Возвращаясь к хозяйственному значению рабства, заключим, что из сказанного уже очевидна его важнейшая роль в хозяйстве Рима и римлян, причем отнюдь не только в форме принудительного физического труда (значение которого никто, кроме Эд. Мейера и его эпигонов, кажется, не отрицал). Однако, когда речь заходит об использовании умственного труда рабов или труда управления, об использовании института пекулия и т.д., нынешние историки не так уж редко торопятся подчеркнуть, что речь идет о "привилегированных рабах", и добавляет что-нибудь вроде того, что "их, конечно, было меньшинство". (В этом утверждении, учитывая широту сферы, где использование рабов требовалось системой, позволительно усомниться, хотя прямыми цифровыми данными мы, кажется, не располагаем.)

Что же касается именно экономической системы римлян, основанной на рабстве, то тема эта чересчур широка для нашего очерка. Сверх сказанного выше остановимся здесь лишь на институте пекулия. Э. Бенвенист называл пекулий "имуществом, которое хозяином даровано было тому, у кого нет законного права на имущество как таковое"⁴¹.

На языке римских юристов это формулируется так: "Свободный отец семейства не может иметь пекулия, точно так же как раб не может иметь имущества (bona)"⁴² (D. 50.16.182), Заметим, что речь здесь идет только о рабе, хотя в этом отношении положение "сына семейства" юридически было таким же, за одним исключением: подвластному сыну принадлежало нажитое на военной службе. Историки до сих пор подчас видят в пекулии "уступку" рабам, признак "кризиса рабства" и т.п., тогда как это был важнейший рабочий институт системы, исходившей, разумеется, из интересов господина. Вот два римских определения пекулия: "В пекулий входит то, что господин сам отделил, различая свой счет и счет раба" (D. 15.1.4); "пекулий есть то, что раб с позволения господина имеет отдельно от господских счетов, за вычетом того, что раб должен господину" (D. 15.1.5). Пекулий, покуда находится в руках раба, юридически входит в имущество господина. "Если даже раб, - читаем мы в Дигестах, - задумав кражу, уберет со своего места вещь, принадлежащую к пекулию, то, покуда она у него, ничто с ней не изменилось (ведь от господина ничто не ушло), но, если раб передаст ее другому, то он совершит кражу" (D. 47.2.57.3). Уменьшение пекулия - проступок против господина, свидетельствующий о том, что раб причиняет господину ущерб или обкрадывает его (см.: D. 15.1.2). Вспомним, что "дурные рабы" в комедиях Плавта "проедают свой пекулий". Напротив того, прибавление пекулия, каким бы путем раб его ни добивался, увеличивает имущество господина. Если украденный раб обокрал укравшего его вора, то вор, оказывается, может предъявить господину иск, "чтобы преступления таких рабов не только не оставались безнаказанными, но и не приносили бы дохода (quaestus) своим господам, ибо, по большей части, кражами подобного рода рабов увеличивается их пекулий" (D. 47.2.68.4).

Экономическое значение пекулия состояло в том, что он позволял предоставлять рабу хозяйственную инициативу (особенно, если ему при этом давалось свободное управление пекулием) и облегчал господину расчеты с его рабом, занятым на управительской должности или ведущим свои дела по поручению, с ведома или без ведома господина; пекулий служил основой для расчетов господина со своими рабами-управляющими и при возникновении каких-нибудь тяжёб. Не менее существенное значение пекулия состояло и в том, что он способствовал рассредоточению крупных состояний по множеству мелких (как теперь бы сказали, "дочерних") предприятий, что существенно уменьшало для господина риск. Пекулий мог включать в себя любые виды имущества - в текстах источников упоминаются: деньги, движимость, недвижи-

мость (земля, дома), наконец, рабы. Это последнее обстоятельство доставляет определенное затруднение некоторым историкам, побуждая их при случае потолковать о "социальном миметизме" либо о том, что часть рабов должна, де, рассматриваться как принадлежащая уже к классу рабовладельцев и т.п. Однако то, что раб мог иметь своих рабов (право собственности на которых принадлежало его господину), представлялось римскому сознанию, порожденному римской общественной системой, столь же естественным, как и то, что сын, состоящий под властью, мог иметь своих сыновей ("отеческая власть" над которыми принадлежала его отцу). Раб, имеющий в своем пекулии рабов, назывался "ординарием", а его рабы "викариями" (букв.: "заместителями"). Викариев имели обычно рабы, занимавшие в доме (или в имении и т.д.) управительские, прежде всего финансовые, должности либо ведшие собственные дела. Викарии им были необходимы так же, как "законные" рабы господину - для организации растущего и разветвляющегося (а не укрупняющегося) хозяйства. "Рабы рабов" были отнюдь не последними людьми в доме. Близкие помощники рабов-управляющих, они и сами пользовались в нем весом, как это видно из Плавта. В Диге-стах упоминаются и "викарии викариев" (33.8.6.3; 33.8.25).

Рабская система становилась многоэтажной. Но эта "многоэтажность" имела одну особенность. Покажем ее опять-таки на примере: "Если твой раб бежал и увел с собою викария, то если викарий последовал за ним против воли или не понимая, что делает, и ему не представлялась самим им упущенная возможность вернуться к тебе, то он... не беглый; но если он либо раньше при самом побеге понял, что происходит, либо, потом, поняв, что произошло, не захотел, имея такую возможность, к тебе вернуться", то он беглый (D. 21.1.17.7). Что это значит? Иерархия положений ординария и викария существует только, пока они находятся друг с другом в отношениях, предусмотренных системой. Их связь есть рабочая связь системы. Совместное бегство сразу уравнивает их друг с другом как двух рабов одного господина. При возникновении ситуации, нарушающей нормальное функционирование системы (здесь это - бегство), вся "лестница" рабской иерархии рассыпается: "Положение всех рабов - единое"⁴³. Мы выбрали институт пекулия как очень характерный пример одной из тех связей римской системы рабства, которые поддерживались ее функционированием, сами обеспечивая ее работу⁴⁴. Кризис рабства (который мы здесь оставили вне рассмотрения), возможно, и был вызван переборами в сложном механизме таких связей. Каковы были их причины — это уже вопрос, выходящий за рамки темы.

Вне рассмотрения мы оставили и ряд других "подсистем" (например, связанную с брачными отношениями рабов, с ролью рабыни как воспроизводительницы и с местом детей в фамилии). За недостатком места вынуждены мы отказаться и от разбора важнейшего вопроса, связанного с принадлежностью римских рабов римским гражданам по праву квиритов, — об отпуске римских рабов на волю с правом граждан-

ства *IL* об уникальном для античности характере римского отпущенничества, связывавшего римскую систему рабства с римской системой гражданства⁴⁵. Но мы и не обещали исчерпать тему. Нам хотелось показать целостность всей картины, очертить систему интересующего нас явления, опираясь не на произвольные умозрительные конструкции, а на объективные связи, проступающие из материала наших источников.

¹ Гораций получил философское образование в Афинах, хотя и не связал себя ни с какой из философских школ.

² Цит. по рус. переводу М. Дмитриева.

³ Римский вольноотпущенник, будучи гражданином, мог по праву считать прошлые поколения римлян своими "предками".

⁴ Эпиктет из Фригии был рабом Неронова отпущенника (телохранителя), жестокого, но разрешившего своему рабу учиться философии в Риме. После изгнания философов из Рима императором Домицианом Эпиктет, уже получивший широкое образование и вольную, переселился в Эпир, где возглавил философскую школу. Текст его "Бесед" был издан слушателем - историком Аррианом, греком, занимавшим высокие государственные посты в Риме (особенно при Адриане - II в.). Эпиктетова эпитафия звучала так: "Был Эпиктет я рабом и был калекою телом, / Был я беден, как Ир, другом был я богам" (пер. Г.А. Тароняна).

⁵ Пер. С.А. Ошерова.

⁶ ВДИ. № 1. 1970. С. 49.

⁷ Штаерман ЕМ. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1969. С. 18-28 и далее (со ссылками на М.Е. Сергеев и В.И. Кузицина).

⁸ *Morabito M.* Les realites de l'esclavage d'apres le Digeste. Besancon; P., 1981. Отметим, что книга эта содержит в себе уникальную незаменимую подборку материала.

⁹ *Hopkins K.* Conquerors ans Slaves. Cambridge; N.Y.; L. 1978, P. 126.

¹⁰ Цит. по: Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социальных представлений Средневековья в современной зарубежной историографии: Реф. сб. М., 1980. С. 139.

¹¹ Это требование убедительно сформулировано А. Драйцентером, напомнившим о литературной природе всякого письменного источника и о невозможности понять его без внимания к литературным целям и приемам автора исследуемого текста. См.: *Dreizehnter A.* Die rhetorische Zahl. Munchen, 1978.

¹² *Buckland W.W.* The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908 (repr. 1970). P. 1.

¹³ *Morabito M.* Op. cit. P. 28.

¹⁴ Уже в Плавтовых комедиях римская система рабства предстает перед нами такою же, какой мы ее знаем по Гаю и фрагментированным текстам других юристов II-III вв. (сохранных Дигестами) с ее характерными чертами: с гражданским статусом для отпущенных на волю с соблюдением нужных формальностей, с достаточно распространенным институтом пекулия, с прямым представительством раба в делах господина, с рабами рабов и т.п. (об отсутствии плантационного рабства ср. выше). Что же касается реальных изменений в римской экономике, то главным в них было резкое расширение

возможностей обогащения вне сферы производства и для государства, и для отдельных лиц. (см.: *Штаерман Е.М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978. С. 155). Заметим также, что если "аграрные реформы Августа" и связанные с ними изменения в представлениях о собственности историчны (в чем не сомневается и ряд крупнейших специалистов), то могли ли они остаться без многочисленных комментариев? Вообще, можно ли представить себе правовое установление (тем более — связанное с инициативой Августа), которое ускользнуло бы от внимания составителей Дигест и других комментаторов эпохи кодификации?

¹⁵ Еще более ранний пример той же дихотомии - в Плавтовом "Амфитрионе" (ст. 344: "Кто ты, раб или свободный (servos ne an liber?)" (рус. пер. А.Н. Ар-тюшкова).

¹⁶ Ср. два последних акта Плавтова "Перса".

¹⁷ Которому был уделен целый титул Дигест (40.12).

¹⁸ Первым из этих выражений обозначался тот, кто числился в рабах по добросовестному заблуждению своего владельца. Выражение общепотребительное (ср., например: D. 13.6.2). Чтобы выяснить и восстановить настоящий статус "рабствующего по доброй воле", требовался судебный процесс о свободе (та самая *liberalis causa*) и заинтересованное лицо (родственник или патрон, отпущенник и т.д., которое обратилось бы в суд (сам порабощенный этого сделать не мог).

¹⁹ Ср.: *Finley M.* The Ancient Economy. Berkeley; L., 1973. P. 64 (без ссылок на источники).

²⁰ Заметим, что "термин" дается здесь через отношение, а не через определение.

²¹ *Смирин В.М.* Об одном парадоксе античного рабства // Культура и искусство античного мира: Материалы научной конференции. 1979 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1980. С. 407-425; *Он же.* Историк, источник, принцип историзма // ВДИ. 1980. № 4. С. 407-425.

²² Такой пекулий не предоставлялся отцом семейства подвластному "сыну", но состоял из нажитого самим этим сыном как воином, а приобретенное им не в ходе военных действий сюда не включалось и делалось собственностью отца семейства.

²³ *Периханян А.Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983. С. 113-115.

²⁴ *Morabito M.* Op. cit. P. 145b; см. также: Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 31.

²⁵ Э. Бенвенист (чьими пояснениями мы здесь ограничимся), рассматривает слово "familia" как собирательное от латинского "famulus" или оскского «famel», более или менее эквивалентных греческому "oiketēs", в котором «трудно различить значения "раб" и "слуга"», комментаторы всех времен удвлетворяются тем, что переводят "раб"», но для филолога интереснее внутренний образ слова: «Этимологически "familia" образуется совокупностью famuli - слуг, живущих под одной крышей», благодаря чему в понятие "семейства" (familia) как раз и включаются не только лица, связываемые узами родства. (См.: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер. под ред. Ю.С. Степанова и Н.Н. Казанского. М., 1995.) Эти объекты торжественной передачи назывались *res mancipii* (mancipii) - "манципируемые" вещи. Их список был составлен в незапамятные времена и навсегда закрыт. Все прочие - по слову Гая, "бесчисленные" - вещи назы-

вались "не манципируемыми". Принцип и смысл этого центрального в римском праве разделения вещей (см.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996. С. 310, сл.) толковались и толкуются по-разному. Д.В. Дождев придает главное значение распорядительной воле хозяина, вовлекающего *res mancipi* в оборот и в сферу влияния одной семейной группы. Мы предпочли бы говорить об особой, как бы личностной, их связи с хозяином и всем его домом (чем и обуславливается особый режим их отчуждения). Отметим, что в число *res mancipi* входит и не "телесный" объект - сельские сервитуты (право прохода, прогона скота и т.п.).

²⁷ Рассуждая о манципируемых вещах и личностных правах по "римскому праву" вообще, не надо забывать, что речь тут идет о праве квинтиском или, что то же самое, "гражданском", которое должно было не только защищать права каждого "дома", но и связывать этот дом с гражданской общиной и с тою землей, где и подобало жить римлянину. Дом римского гражданина должен был находиться "дома", т.е. в Италии.

²⁸ По поводу чтения этой фразы Гая, почти что сразу после находки веронского палимпсеста (погибшего в результате применения тогдашних химических средств для выявления следов стертого текста), возникла и поныне существует контроверза между чтением "*rem tenens*" (как стояло в манускрипте) и конъектурой Крюгера "*aes tenens*", опиравшейся на текст цитаты из Гая в тексте Боэция, написанном век спустя после изготовления веронского манускрипта. Не вдаваясь в существо время от времени возрождающейся полемики, скажем только, что мы следуем чтению Э. Зекеля и Б. Кюблера ("*rem*"), получившему широкое признание у текстологов и издателей, а не так давно еще раз аргументированному в достаточно осторожном комментарии М. Давида и Х.Л. Нелсона в так и не законченном издании: *Gaius Institutionum commentarii ... Mit kritischem Apparat und philologischem Kommentar / Hrsg. von M. David, L.W. Nelson. Leiden, 1954-1968. Bd. 1-3.*

Добавим, что выражение "*rem tenens*" могло иметь кроме буквального смысла и расширительный (им могло обозначаться и простое прикосновение и т.п.), когда передевалось имение, можно было также держать в руке ком земли и т.д.

²⁹ Об этом см. в работах, упомянутых в примеч. 21. Символика передачи права на вещь при манципации находила свое отражение и в упрощенной процедуре "передачи без провозглашения", основанной на той же символике. Очень важной была и служебная роль манципационной формулы или ее частей в составе сложных составных формул других ритуализованных юридических процедур - таких как *in iure cessio* ("уступка" права в фиктивном, имитирующем судебный, процессе, - по существу - в такой же передаче, как и при манципации). Наконец своеобразной формой бытования этих древних ритуалов было использование старинных строгих правил в целях противоположных задаче законодательства (такое, как, например, спрямление пути к римскому гражданству через посредство фиктивного рабства и последующей манумиссии).

³⁰ Что же касается иногда приписываемой римским юристам фразы "*servi res sunt*" ("рабы суть вещи"), то в источниках ее нет - она скроена кем-то из отдельных слов Гая или скорее "Фрагментов Ульпиана".

³¹ См.: *Liebs D. Ulpiani Regulae - Zwei Pseudepigrapha // Romanitas - chnstanitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der romischen Kaiserzeit. B.; N.Y., 1982. S. 282-312*, где автор излагает и обосновывает лексико-стилистиче-

- ским анализом текста возникшее в 70-80-е годы мнение о неаутентичности ряда сочинений, дошедших до нас как Ульпиановы. Это прежде всего "Правила" (Regulae) в одной и в семи книгах, легшие в основу "Титулов из Ульпианова свода" или "Фрагментов Ульпиана". Эти сочинения Либс относит к продукции "беззастенчивых юристов, подписывавших свои книжки громкими именами, чтобы они лучше расходились". Выявление книг этого жанра и происхождения стало достаточно распространенной темой, берущей начало на рубеже 70-х годов (как это видно по ряду статей "Der Kleine Pauly"). Конкретные доводы Либса по конкретным вопросам кажутся убедительными, что же касается проблемы в целом, то традиция, скрепленная авторитетом Дигест и их жизнью в потомстве, имеет и собственную ценность. Впрочем, такой текстолог, как Нелсон, возводит упомянутое сочинение к Ульпианову тексту.
- ³² Обращаясь к источникам, исследователи замечают, что слово "servus" указывает прежде всего на статус раба (социальный или юридический), а раб как имущество или рабочая сила обычно обозначается словом "homo".
- ³³ Он уходил в прошлое с отменой "двойного доминия" Юстинианом (Codex Just. I. 7.25).
- ³⁴ Здесь "potestas" - просто реальная возможность распоряжаться своей вещью.
- ³⁵ Ср. в тех же "Фрагментах Ульпиана" (XXII, 9): "Из чужих рабов мы можем делать [своими] наследниками лишь тех, с чьими господами мы связаны общностью прав наследования" (Ср.: Смирин В.М. Об одном парадоксе... С. 417 сл.). Своих рабов можно было назначать наследниками только с освобождением, причем раб в отличие от сына не мог в таком случае отказаться от получения расстроеного наследства, несшего детям угрозу бесчестия. Ср.: G. II. 153 etc.
- ³⁶ Ср.: Грейс-Казакевич Э.Л. Что такое раб и искусство управления "людьми" //ВДИ. 1970. № 1.С. 50.
- ³⁷ Morabito M. Op. cit. P. 252, п. 1047.
- ³⁸ Герой Ксенофонтова диалога "Домострой".
- ³⁹ А карьеру свою он мог продолжить на другой - уже отпущеннической должности в императорском аппарате.
- ⁴⁰ Morabito M. Op. cit. P. 101a, п. 517.
- ⁴¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 56.
- ⁴² Это означает, что собственность отца семейства не может быть выделена ему персонально, поскольку она олицетворяет собственность всей фамилии.
- ⁴³ Только в функционирующей системе римского рабства и могла существовать условно-командная позиция раба-ординария. Очень характерно, что это явление нашло отражение в поэзии Горация: "Раб, подчиненный рабу, за него исправляющий должность, равный ему или нет?" (Гораций. Сатиры, II, 7, 79-80. Пер. М. Дмитриева). Это показывает, что глубоко проникший в тайны греческой метрики Гораций был гениальным поэтом именно Рима.
- ⁴⁴ Об этом см.: Zerber A. Study of the peculium of a slave in preclassical and classical Roman Law. Wroclaw, 1981.
- ⁴⁵ Примеры такого рода нередки в комедиях Плавта, но в переводе они пропадают.